

Единственное подлинное путешествие, единственный источник молодости — это не путешествие к новым пейзажам, а обладание другими глазами, лицезрение вселенной глазами другого человека, сотен других людей, лицезрение сотен вселенных, которые каждый из них видит, которыми каждый из них является.

Марсель Пруст. Пленница

Посвящается Забет и Эдмону

1

Лион, Франция, 8 декабря 2017 года

Был теплый осенний вечер.

Набережные Роны купались в бледном свете закатного солнца, над водой висел легкий туман. Ни ветерка. Полевые травы дремали на окрестных пустырях, странным образом сохранившихся в нескольких шагах от центра города.

За железным забором, перегородившим набережную метрах в пятнадцати от того самого места, собралась толпа. Сэм Бреннан с журналистским удостоверением в руке проскользнул прямо к женщине, на которую были устремлены взгляды собравшихся, — к Сибилле Ширдун. Десять лет назад, когда его только взяли работать в «Ньюсуик», он брал у нее интервью. С тех пор он работал специальным корреспондентом газеты в Европе и мотался из одной страны в другую вслед за культурными событиями или в поисках идей для репортажа на злободневную тему. Свободно владея французским языком, он хватался за малейшую возможность побывать во Франции.

На этой неделе горячих новостей не было, вот он и приехал в Лион, чтобы рассказать о ежегодном событии, привлекавшем все больше туристов со

всех концов Европы. Лугдунум — так этот город назывался во времена римлян, что означает «крепость Луга», бога света... В этот вечер и должен был состояться праздник света, проходивший уже более ста пятидесяти лет. По традиции вечером восьмого декабря горожане ставили на подоконниках маленькие свечи, и весь город мерцал тысячами крошечных огоньков, создававших особую атмосферу, которую еще усиливала разноцветная подсветка зданий.

Несколько часов назад Бреннану позвонила Дженнифер, его ассистентка:

— Сэм, ты еще в Лионе?

— Конечно.

— Представь себе, Сибилла Ширдун тоже там.

— Ширдун в Лионе?

— Мне сказала подруга из CNN, у них эксклюзивное право на телесъемки. Ширдун приехала посмотреть, как будут поднимать со дна реки плавучий ресторан, в котором она начинала карьеру. Вертолет CNN привезет ее в семнадцать часов на набережную.

— А что там за история с кораблем?

— Судя по всему, он пролежал на дне больше пятидесяти лет, а сейчас городские власти решили почистить реку, а заодно и достать «утопленника». Мэрия предупредила Ширдун, и она решила приехать, хотя врач ее отговаривал.

— Отлично, я такое не пропущу.

— Если повезет, будешь единственным представителем печатной прессы.

Пожилую даму усадили в огромное, обитое красным бархатом кресло в стиле Людовика Пятнадцатого, слегка поновленное Филиппом Старком. Да-

ма восседала точно королева на троне. Преклонный возраст и недуги отнюдь не лишили ее ауры и невероятного обаяния.

Долгое время Сибилла Ширдун была одной из самых влиятельных женщин в мире, а ее жизненный путь выглядел весьма впечатляюще. Она родилась в Джибути, в семье эфиопа и французки, сначала прославилась как певица, а затем покорила кинематограф. Голливуд лежал у ее ног, поклонники со всего света ее обожали, но звездная болезнь обошла Ширдун стороной. Она не строила из себя диву, не кичилась перед продюсерами и журналистами, не хвастала успехом и положением в обществе. Не будь у нее этой легкости, разве смогла бы она в один прекрасный день, на пике славы, все бросить и посвятить себя созданию детского образовательного фонда? Другие звезды использовали благотворительность, чтобы пустить пыль в глаза публике и показать себя в выгодном свете, они летали туда-сюда на частных самолетах с огромными выбросами, а сами кричали о глобальном потеплении.

Ширдун, напротив, всегда была воплощением честности и твердости. Фонд стал ее любимым детищем. Бесчисленное множество частных лиц и организаций последовали за ней и поддерживали деньгами удивительные проекты, которые она вела во всех концах земного шара.

Сэм дождался, пока журналист CNN задаст вопросы, затем подошел и представился.

— Не знаю, помните ли вы меня...

— Конечно помню! Вы брали у меня интервью на заседании фонда в две тысячи восьмом году.

Сэм улыбнулся. Обычно чем известнее становится человек, тем меньше он замечает других.

Перед ними из дымки, подсвеченной заходящим солнцем, вынырнула голова огромного портового крана. Надежно закрепленный на подставке, он был похож на гигантского металлического жука, покрытого тут и там пятнами ржавчины.

Неподалеку стояли несколько мужчин в желтых касках. Одни болтали, другие не отрываясь смотрели на темные воды реки. Водолазы в черных, поблескивающих в полумраке костюмах уселись на борт надувной лодки, закрепили на спинах баллоны с воздухом и, оттолкнувшись, исчезли из виду. Река беззвучно поглотила их.

— Оденьтесь потеплее, — раздался женский голос.

То ли сиделка, то ли медсестра. Она не сводила глаз с пожилой звезды, готовая в любой момент прийти на помощь.

Торопливо поднявшись, она протянула шаль своей протеже, но та с улыбкой отказалась.

Вдруг мотор крана глухо заурчал. Толпа на берегу притихла, все взгляды обратились на поверхность Роны.

Человек в бежевом непромокаемом плаще, видимо руководитель операции, раздавал указания.

Камера CNN работала без остановки.

Сибилла Ширдун выглядела спокойной и расслабленной, но ее и без того искрящиеся глаза заблестели ярче, когда опутанный цепями корпус корабля медленно показался из спокойных вод реки. Он напоминал попавшего в сети огромного кита, ко-

торый напрягает последние силы в тщетной попытке высвободиться из лап врагов.

Цепи угрожающе скрипели под чудовищным весом. В воздухе запахло мокрым деревом и тиной.

Отойдя чуть в сторону, сиделка с тревогой следила за взволнованным лицом своей подопечной.

— Стоп! — крикнул человек в плаще крановщику и поднял руку. — Повернуть на сто восемьдесят градусов!

Фотограф «Ньюсуик» суетливо щелкал фотоаппаратом, стараясь поймать в кадр одновременно и корабль, и Ширдун.

Несколько минут спустя облепленный тиной гигант повис над набережной, а затем, словно в замедленной съемке, опустился на массивный деревянный элинг. Цепи зазвякали по бортам и повисли спокойно. Гул мотора стих. В наступившей тишине корабль выглядел еще более внушительно.

Сэм жадно ловил реакции пожилой дамы. Она молча смотрела на неподвижный корпус корабля, но ее лицо выражало целую гамму чувств.

Журналист подошел к ней и, присев на корточки, почти шепотом спросил:

— Вы узнаете его, мадам Ширдун?

Не отрывая глаз от корабля, она улыбнулась и медленно кивнула.

Сэму не терпелось засыпать ее вопросами, но он молчал из уважения к ее чувствам и боясь испортить важный для нее момент. Он понимал, что в ее голове возникают сейчас картины прошлого, мысли об ушедших годах.

Спустя некоторое время он ринулся в бой:

— Значит, вот где вы начали карьеру певицы?

Сибилла улыбнулась и покачала головой:

— Не совсем так.

— А разве не на этом корабле вы дали свои первые концерты?

Она снова мотнула головой:

— Нет. Но он перевернул мою жизнь.

Сиделка пристально смотрела на Сибиллу, готовая броситься на защиту при малейшем признаке опасности. Фотограф трудился как пулеметчик.

— Расскажите подробнее?

— Это было в начале шестидесятых. В шестьдесят... шестьдесят четвертом, да, точно. Я работала на корабле. Это был плавучий ресторан, ну знаете, бар с пианистом и концерты каждый вечер. Меня поставили во главе небольшой команды. Это плохо закончилось для меня... И все же, если бы не тот провал, моя жизнь никогда бы не сложилась так, как сложилась.

Тут она как-то нехорошо закашлялась. Сэм бросил тревожный взгляд на сиделку и пожалел об этом, едва увидев выражение ее лица. Ему показалось, что он, сам того не желая, напомнил ей о ее миссии.

В этот момент руководитель операции подошел к Ширдун. Его бежевый плащ был заляпан тинной.

— Мадам, мои люди сейчас попробуют проникнуть на борт. Мы, конечно, не можем пригласить вас туда, это небезопасно. Вы же понимаете, там все держится на честном слове...

— Конечно понимаю.

— Мы возьмем камеру и немного там поснимаем. Если вы не против, мы потом покажем вам запись.

— Прекрасно!

— Есть ли какое-то место на борту, которое вам особенно ценно? Мы постараемся заснять его, если получится.

Она задумчиво покачала головой. Но вдруг ее глаза загорелись.

— Мне бы хотелось увидеть рояль. Вернее, то, что от него осталось. Если, конечно, что-то могло уцелеть под водой.

Руководитель операции заулыбался:

— Хорошо, мадам, я передам ваше пожелание. Где он находился?

— В большой гостиной, она же служила рестораном. Черный рояль. Небольшой, примерно метр семьдесят длиной. Вы его ни с чем не перепутаете.

Некоторое время Сэм молча смотрел на Сибиллу Ширдун.

— Мне кажется, с этим роялем связана какая-то история...

Пожилая дама задумчиво кивнула. На ее лице мелькнула грустная улыбка.

— Он был свидетелем того, как я спустилась в ад и сумела вернуться оттуда. И еще под его звуки я впервые в жизни решила спеть на сцене. Это был не концерт, нет, но я осмелилась спеть — вот что важно... Все благодаря одному молодому пианисту. Он был ирландцем, как вы. По крайней мере, мне так кажется. Каждый вечер, когда гости расходились, он наигрывал мелодию собственного сочинения. Очень чувственную и очень грустную...

На глазах у женщины выступили слезы. Сиделка заволновалась, нахмурилась и демонстративно посмотрела на часы.

— Как его звали? — спросил Сэм.

Женщина помолчала.

— Джереми Фланаган. Я потом потеряла его из виду. Много лет спустя подруга сказала, что видела его за пианино в одном нью-йоркском баре. Я позвонила туда, но оказалось, что он только что уволился, не оставив ни адреса, ни телефона. Вот так и проходит жизнь — не находишь времени поблагодарить человека, который, сам того не зная, изменил твою судьбу. Благодаря ему я стала петь. Благодаря одной его фразе, очень простой, но произнесенной в подходящий момент. Он сказал: «Ты можешь». Мне нужно было услышать это, нужно было, чтобы кто-то подбодрил, дал зеленый свет. Те два слова все решили.

— Получается, этот человек стоял у истоков вашей карьеры?

Она покачала головой:

— Не совсем. Хотя он, конечно, сыграл свою роль.

Сэм увидел два силуэта на палубе корабля.

— На самом деле, — снова заговорила Сибилла, — моя жизнь изменилась благодаря другому человеку. Другому мужчине.

— Другому мужчине?

Она долго молча улыбалась, словно погрузившись в свои мысли, а потом ответила:

— Это был загадочный мужчина. Очень загадочный... До сих пор, спустя пятьдесят лет, я не смогла проникнуть в его тайну.

Сэм почувствовал, что напал на след:

— Расскажите мне все!

— О-ля-ля! Какой вы хваткий! Это долгая история... Ее и за целый день не расскажешь.

Едва проговорив это, она зашлась в кашле. Приступ все никак не прекращался.

Сиделка тут же подскочила:

— Месье Бреннан, достаточно.

— Но... но мы ведь только начали.

— Я слышала, чего вы хотите. Это исключено.

— Но я только...

— Прошу вас, не настаивайте. Пойдемте, Сибилла. Мы немного отдохнем в шатре и поедем.

С этими словами она взяла под руку пожилую женщину, которую все еще сотрясал кашель, и помогла ей подняться.

— Отдыхайте, сколько вам будет нужно, — сказал Сэм как можно более спокойным тоном. — Мы продолжим потихоньку, когда захотите.

Он посмотрел им вслед. Две женщины медленно шли по набережной к шатру с изображением герба города.

Четверть часа спустя человек в бежевом плаще появился у входа в шатер. Сэм быстро подошел к нему и протянул визитку:

— Сэм Бреннан из «Ньюсуик».

— Жак Верже.

Руководителя операции впустили внутрь. Сэм проскользнул вместе с ним.

Сибилла Ширдун сидела в кресле рядом с походной кроватью, где, видимо, не так давно отдыхала.

— Первый фильм готов, — произнес Верже, помахав планшетом. — Но к сожалению, рояль мы не нашли. Наверное, он развалился на части и их унесло течением.

— Вы сделали все, что могли, — ответила Сибилла.

Лицо ее улыбалось, но в голосе чувствовалось разочарование.

Все сгрудились, чтобы на экране планшета посмотреть видеозапись. Сэм стоял позади сиделки и смотрел вверх ее плеча.

На корабле царила разруха. Стены покрылись тиной и водорослями. Разнообразные морские растения уныло свисали отовсюду.

Первое помещение было почти пустым, второе, наоборот, завалено сломанной мебелью. Дальше шла очень темная лестница со ступеньками, едва проступавшими сквозь слой тины и ила. Она вела в комнатушку, похожую на комнату отдыха для персонала, следом начиналось просторное машинное отделение, потонувшее в грязи и своим видом напоминающее приход апокалипсиса. Затем камера снова поднялась по лестнице и оказалась в капитанской рубке, ее пол был покрыт вязкой зеленью. Оттуда по сумрачному коридору камера вышла в ресторан, он же главный зал. Там угадывалась подернутая илом барная стойка, опрокинутые столы и стулья, иллюминаторы с выбитыми или залепленными песком стеклами. Несколько рыб, пленниц погибшего корабля, бились на прогнившем полу.

Краем глаза Сэм следил за Сибиллой. Она полностью отдалась созерцанию катастрофы.

Запись закончилась. Никто не смел нарушить молчание. Атмосфера была гнетущая.

Сэм взял на себя смелость заговорить:

— Мне бы очень хотелось расспросить вас о том времени, когда вы работали на корабле. Узнать, что там произошло. И кто был тот загадочный мужчина...

Случилось то, чего он боялся: ему ответила сиделка. Она напомнила, что интервью может растянуться на несколько дней, а мадам Ширдун привыкла ночевать у себя дома, в Комо. Кроме того, ее состояние здоровья не позволяет вести долгие беседы. В общем, настаивать бесполезно. Сэм даже не пытался бороться.

Журналисту CNN разрешили задать несколько коротких вопросов.

Четверть часа спустя двигатель вертолета загудел, а лопасти принялись разрезать воздух, распространяя в округе запах керосина.

Сибилла Ширдун тепло попрощалась с Сэмом, с журналистом CNN, помахала небольшой группе людей, все еще стоявших за железными ограждениями, и поднялась на борт.

Шум усилился, вертолет медленно поднялся, развернулся вокруг своей оси и исчез в туманном декабрьском небе.

Рабочий в желтом дождевике и синих сапогах поливал корабль из шланга. Мерзко пахнущая тина сползала по корпусу корабля, постепенно обнажая изначальную краску бутылочно-зеленого цвета. Показалось имя корабля, когда-то выведенное золочеными буквами: «Пигмалион».

Сэм подошел ближе и позвал руководителя операции:

— Месье Верже, я бы хотел побывать на корабле с моим фотографом, это для газеты «Ньюсуик».

Жак Верже покачал головой:

— Это невозможно, там небезопасно.

— Как думаете, получится попасть туда позже?

— Возможно. Но обещать не буду.

— Хорошо. У вас есть моя визитка. Позвоните, если что-то изменится.

— Можете на меня рассчитывать.

Комо, Италия, 5 января 2018 года

Сэм захлопнул дверцу такси. Голова гудела. Он сто раз пожалел, что, садясь в машину, сказал шоферу пару слов по-итальянски. Услышав, что приезжий говорит на его языке, таксист не умолкал всю дорогу.

Журналист с облегчением смотрел, как белый «фиат» удаляется по обсаженной кипарисами дороге.

Наступила тишина, изредка нарушаемая пением птиц.

Среди пышной растительности он заметил высокую черную ограду, но никакой постройки за ней не было видно. Небо над головой было пронзительно голубым, и, несмотря на разлитую в воздухе прохладу, казалось, что уже наступила весна. А ведь еще накануне он пробирался сквозь лондонскую хмарь. Как будто на другой планете!

Сэм позвонил в видеофон и представился. Ворота открылись, и он пошел по аллее, обсаженной рододендронами, лавровыми деревьями и азалиями.

Журналист достал фотоаппарат и сделал несколько кадров. На этот раз он приехал без фотографа, чтобы разговаривать наедине.

Прошел почти месяц с того дня, когда корабль подняли со дна Роны.

Спустя всего час после отъезда Сиби́ллы из Лигурии с ним связался Жак Верже.

— Вы оставили визитку, вот я и звоню.

— Отлично, спасибо. Есть какие-то новости?

— Только что нашли рояль.

Рояль.

Слишком поздно, уже не сделать трогательную фотографию встречи старых знакомых.

— Он оказался не в главном зале, а в отдельном помещении. Честно говоря, нам очень повезло, это единственная водонепроницаемая комната на корабле. Думаю, его проектировали не для речной навигации, а для морского плавания, поэтому и предусмотрели кабину с системой жизнеобеспечения. В общем, там образовался воздушный пузырь и все эти годы рояль провел без доступа воды. Кажется, он в отличном состоянии.

— Невероятно.

— Есть еще одна странность.

— Какая?

— У него нет струн.

— Нет струн?

— Ни одной. Мы открыли, а там пусто. Только немного коричневой пыли на... на такой деревянной доске внутри.

— На деке.

— Точно, на ней.

— Очень странно.

— На самом деле это даже логично. Сначала мы удивились, а потом все встало на свои места. Пузырь-то образовался, но все равно там было довольно влажно. Струны, видимо, заржавели и со временем рассыпались в пыль. Только подумайте, пятьдесят лет под водой...

— Я понял. Будьте добры, сохраните его в надежном месте. Посмотрим, что можно будет сделать.

Время шло, а Сэм так ничего и не придумал.

Сильный запах мимозы вернул его к реальности. Как же здорово видеть эти ярко-желтые кусты посреди зимы! Чудесная Италия...

Он ждал открытия выставки Рафаэля в Академии Каррара в Бергамо, чтобы затем отправиться в Комо, который находился всего в часе езды.

Внизу вдруг показалось темно-синее озеро и словно нависающая над ним вилла Сибиллы Ширдун. Это была старинная и весьма элегантная в своей простоте постройка: оштукатуренные стены цвета охры, старые камни по углам здания и в обрамлении окон и настоящая черепичная крыша. Вокруг возвышались вековые сосны, чуть склонившиеся, будто в реверансе. Несколько камелий уже зацвели.

Казалось, время здесь замерло: все напоминало девятнадцатый век, когдавиллы на берегах Комо облюбовали художники и музыканты романтической эпохи. Призраки Листа и Верди, должно быть, бродили неподалеку и в любой момент могли показаться на аллее.

Сэма встретила очаровательная молодая женщина — улыбчивая брюнетка с ярко-голубыми глазами и забранными в хвост волосами. Она говорила по-французски с обворожительным акцентом. Сэм обрадовался, не увидев знакомую ему строгую сиделку.

— Как вас зовут?

— Джулия, — ответила девушка и широко улыбнулась.

Она пригласила Сэма на уютную террасу, вымощенную камнем и уставленную большими глиняными кадками с апельсиновыми деревьями.

Гунель Л.

Г 94 Я обещаю тебе свободу : роман / Лоран Гунель ; пер. с фр. О. Габе. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 384 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-21160-5

Представьте, что работодатель собирается вас уволить и у вас есть всего десять дней, чтобы изменить ситуацию, но в тот же вечер партнер сообщает, что ваш союз утратил смысл... Причем и тот и другой считают, что во всем виноваты именно вы. Разве вы можете изменить себя? Но вот друг рассказывает вам о загадочном человеке, который состоит в тайном братстве и владеет секретными знаниями. Именно этот человек в силах превратить вас в совершенно новую личность. Сибилле Ширдун, героине романа «Я обещаю тебе свободу», суждено столкнуться с поражениями, разлукой, предательством, а также со счастьем, радостью, любовью. Но сможет ли она изменить себя?

Книги Лорана Гунеля, входящего в пятерку самых популярных беллетристов Франции, возглавляют топ-листы продаж во Франции и переведены на двадцать пять языков.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЛОРАН ГУНЕЛЬ
Я ОБЕЩАЮ ТЕБЕ СВОБОДУ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова
Редактор Елена Леонова
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Маргарита Ахметова, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.05.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MBB-30091-01-R